

ской в течение всего средневековья и связь русской тератологии с балканской пытались объяснить влиянием Балкан на Русь, хотя это наталкивается на ряд серьезных препятствий. Прежде всего нужно учитывать, что на Руси первые примеры линейной художественной тератологии появляются уже в первой половине XII в. (в Юрьевском евангелии, потом в Добриловом евангелии и т. д.) и что дальнейшее развитие идет органически и непрерывно до XV в.; между тем на Балканах орнаментика этого стиля возникает лишь в начале XIII в. и уже в третьей четверти того же столетия начинает уступать место возрождающемуся геометрическо-растительному орнаменту, а к середине XIV в. совершенно исчезает.¹⁵⁸ С другой стороны, на Руси рукописная тератология этого стиля уже при своем возникновении показывает органическую связь с другими отраслями искусства, прежде всего «прикладного», высокую степень художественной трактовки мотивов и в своем дальнейшем развитии создает несколько местных школ и направлений с богатым запасом мотивов и полихромной расцветкой. Между тем на южнославянской почве в течение сравнительно краткого времени существования этот тип тератологического орнамента проявился преимущественно в схематизированной форме плетеного инициала в линейной трактовке, параллельно с чем особо развивались струя орнаментики народнофантастического стиля (например, в Орбельской Триоди) и художественная тератология особого типа, отличающаяся известной свободой и фантазией в трактовке колоритного плетения инициалов (как в сербском Ватиканском евангелии № 4 и в евангелии Хиландарской келии св. Саввы № 8). Хронологический приоритет русской тератологии перед балканской дал Борну основу для гипотезы о русском источнике балканской тератологии, который в свою очередь генетически зависит от скандинавской орнаментики «звериного стиля».¹⁵⁹ Независимо от того, примем ли мы последнее положение или станем на точку зрения синхронизма самобытных сходных типов тератологии нордической и русской, факт зависимости южнославянской «технической тератологии» (термин В. Н. Щепкина) от русской представляется мне очевидным и получает свое естественное объяснение в связи с аналогичными явлениями русского влияния, проявившимися в культурной жизни балканских славян в конце XII и в первой половине XIII в.

На переходе русских праздников в южнославянские месяцесловы я подробно остановился в упомянутой работе о южнославянском Прологе.¹⁶⁰ До XII в. мы не находим русских праздников в южнославянских календарях, хотя некоторые из них являются в русских месяцесловах уже в XI в. Русских праздников нет ни в евангелии князя Мирослава, ни в Слепенском апостоле, ни в евангелии попа Иоанна. Но с конца XII в. встречаем русских святых и русские праздники в ряде южнославянских рукописей: в Охридском апостоле, в Кирилловском синаксаре Асеманова евангелия, в Зографском Трефолое XIII в., в Тырновском евангелии 1273 г. и в других болгарских и сербских текстах XIII и начала XIV в. Некоторые из этих праздников могли войти в южнославянские месяцесловы несознательно, при списывании русского оригинала, когда речь шла о праздниках в честь Богородицы или в честь общехристианских великих святых. Вероятно, таким путем попали в Охридский апостол два русских праздника: 8 ноября, «Богородица» — празднование воспоминания освящения храма

¹⁵⁸ См.: В. Мошин. Орнамент южнославянских рукописей XI—XII века. — Работы Научного друштва Босне и Херцеговине, VI. Сарајево, 1957, стр. 40—79.

¹⁵⁹ W. Vogt. Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei. — Seminarium Kondakovianum. Praha. T. V, 1932; t. VI, 1933; t. VII, 1934.

¹⁶⁰ Зборник Хисторијског Института Југославенске Академје, т. II, стр. 56—60.